

Джейс Дублин

**Трудовые
будни 3**

барышни-попаданки

Трудовые будни барышни-попаданки

Джейд Дэвлин

**Трудовые будни
барышни-попаданки 3**

«Джейд Дэвлин»

2023

Джейд Дэвлин

Трудовые будни барышни-попаданки 3 / Джейд Дэвлин —
«Джейд Дэвлин», 2023 — (Трудовые будни барышни-попаданки)

Том третий. У кого-то после попадания сказка, принцы, драконы и приключения. А у меня одни сплошные трудовые будни, ну что ты скажешь! 19 век, самое начало. Хозяйство, прогрессорство, крестьянский быт, хорошо хоть, не в крепостную попала.

© Джейд Дэвлин, 2023

© Джейд Дэвлин, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	37
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джейд Дэвлин
Трудовые будни барышни-попаданки 3
Джейд Дэвлин

* * *

Глава 1

– Вы, барыня Эмма Марковна, не волнуйтесь, к рассвету доедем, вот вам крест. Алексей Иванович сказал Лизавете Михалне, что без маменьки не вернется, вот по его слову и выйдет.

Так... Чтобы побыстрее прийти в себя, надо задуматься о второстепенных пустяках. В глазах горничной Прасковьи, заботливо укрывавшей меня попоной поверх шерстяного пледа и тараторившей утешалки, недоросль Алексейка за неполный год эволюционировал в Алексея Ивановича. Что же, парнишка заслужил.

Ладно, голова слегка прояснилась. Кстати, голова эта – на подушке, а уставшее тело укутано горничной так, будто не август месяц на дворе, а минимум ноябрь. Мы едем, нас не трясет, и дело не столько в дороге, сколько в замечательных рессорах моего экипажа. Значит, я почти дома.

Правда, в экипаже царит совершенно неуместный запах. Ностальгический – юношеских байдарочных походов. Спали у костра, а так как август в Карелии не самый теплый месяц, то костры жгли на каждом ночлеге. И хоть плачь, хоть смейся, не пойму: кто же пахнет костром, вернее пожаром? Только я или заодно коляска, накатавшаяся по горячей ярмарке, пока перенервничавший Алексей не выяснил, где я нахожусь?

Кстати, как и в походе – над головой, вернее над кузовом коляски, звездное небо. Утренние и дневные события я запомнила – хоть записывай сценарий боевика из собственной биографии. А вот дальше все как в тумане. Значит, надо сосредоточиться и восстановить происходившее вечером, что труднее.

Хуже всего я запомнила самое важное – общение с Миш... С Михаилом Федоровичем? Или?

В любом случае он Михаил Федорович. Успел сказать что-то очень важное на берегу, пока я не начала терять сознание.

Потеряла не до конца. Помнила, как причалил к барже, перенес в лодку, велел грести от пылающего берега. Краем глаза заметила, что восточные гости сначала отступили, а потом быстро растворились в пространстве.

Я, кажется, бормотала всякую чушь, благодарила. О приключениях дня, утра и ночи рассказывать не стала – в эти минуты главным злодеем на ярмарке был огонь, и отвлекать от него капитана-исправника не следовало. Все равно тех, кто меня похитил, уже и след простыл. Персы тоже не дураки – наверняка их баржи уже плывут вниз по Волге.

Тем более что капитана-исправника и так отвлекали все кому не лень. Он даже на полпути к коляске схлестнулся с каким-то чиновником, я не разобрала, из какого ведомства.

– Вот не надо тех дураков, что на пожаре мародерят, поджигателями выставляют! Наловите таких дюжину, а потом оправдают всех, да и поделом – человек-то и вправду невиновен. Вы, милостивый государь, грабеж пресекайте, а не кричите: «Поджигателя поймали!»

Чинуша что-то отвечал, пыхтел через губу. Михаил Федорович его резко урезонил, а потом просто развернулся к тому грубияну спиной, влез в экипаж и так, не выпуская из рук, довез меня до монастыря. Встретил в воротах настоятельницу, попросил осмотреть, выяснить, какая помощь нужна. После чего коротко попрощался, только посмотрел странно. Обещал вскорости навестить. И почти бегом вернулся в коляску, направив ее туда, где еще царствовали дым и пекло.

У меня не было сил протестовать или о чем-то спрашивать. Тут бы в себя прийти. Хорошо хоть, нашлась келья из гостевых, с простенькой узкой кроватью. Вежливая бабушка в монашеском облачении меня осмотрела, сказала, что ран нет, но мне надо выпить горячего чая и поспать.

Я была уверена, что не засну. Просто решила полежать с закрытыми глазами... и проснулась уже ночью, когда меня отыскал Алексей, возглавивший поисковую экспедицию.

Я уже выяснила, что пропажу мою заметили довольно быстро. И не удивилась, услышав, что раньше всех крик подняла Лизонька, которая проснулась одна в темноте и страшно испугалась.

Поднятые по тревоге дворовые поспешили кто куда – часть с обозом домой, чтоб не путались под ногами, двое в ближайший околоток, еще двое моих крепостных плюс вся калмыцкая семья остались на постоялом дворе, ждать и беречь маленькую барышню, которую с огромным трудом удалось успокоить лишь клятвенным обещанием, что маменька непременно скоро приедет, надо только уснуть поскорее, тогда и время до ее возвращения быстрее пройдет.

Остальные мои люди во главе с Алексейкой налегке помчались в Макарьев, кто верхом на нанятых в соседнем экономическом селе лошадях, кто в моей коляске. Решили узнать обо мне в никитинской конторе или опять же в полиции. И попросить помощи и там и там. Прибыли они с корабля на бал, конечно. Или из огня да в полымя – так вернее.

Пожар к тому моменту почти потушили, но никто знать не знал и слышать не хотел о какой-то там пропавшей барыньке. Это ребятам повезло, что в своих метаниях по ярмарке наскочили они не на какого попало чинушу, а на Михаила Федоровича.

Он хоть понял, какого рожна им надо, и направил в монастырь, а не в кутузку до выяснения. Всякое могло случиться, еще оказались бы мои дворовые в числе «поджигателей», повернись они под руку не в меру ретивому держиморде. Хотя я бы на его месте, скорей, испугалась, увидев коляску с храпящими конями, влетевшую в городок с эскортом из верховых. Будто лихая шайка примчалась грабить.

Так вот и нашли меня, уже дело к вечеру шло.

Прасковья заголосила, общупала «барыню-бедняжку» с головы до ног и сочла меня относительно целой, так что все выдохнули с облегчением. И ждать не стали, сразу перенесли в коляску. Монашки, те и вовсе отпустили меня без споров – во дворе монастыря обосновались несколько высокопоставленных погорельцев, и моя опустевшая келья явно кому-то пригодилась. Сестры обители переквалифицировались в сестер милосердия, и я не стала отвлекать их просьбой помолиться за мое благополучное путешествие... Впрочем, не за путешествие, а за то, чтобы покинуть это замечательное место и больше не возвращаться. Одного раза хватило.

Но проклинать этот день, уже вчерашний, не буду. Потому что в этот день случилось, пожалуй, самое главное за весь год.

Одно слово. Одно слово среди огня и дыма. Мушка...

Капитан-исправник так и не пришел проводить меня. Но я не сомневалась, мы совсем скоро встретимся.

Глава 2

Вообще-то, слово мне не нравилось. А кому нравятся детсадовские обзывалки? Бабуля меня забирала, назвала «Эммушкой», Танька, у которой я увела кавалера Вадьку, слышала и понесла весть по всем группам. Уже назавтра меня встретили дразнилками. К счастью, была осень, я узнала поговорку «осенняя муха больно жалит» и кусала обидчиков, не успевших убежать.

В школе ошибка не повторилась – бабуся меня уже не забирала, тогда считалось, что в семь лет ребенок достаточно взрослый, чтобы ходить за два квартала самостоятельно, тем более дорогу нигде пересекать не требовалось. Ну а в институте дразниться не принято. И я почти забыла детскую «насекомую» кличку.

Пока не встретила с Мишей.

Самое смешное, встреча произошла благодаря пожару, правда не городскому, а лесному. Турпоход со своей компашкой в жарком августе, озерцо в дымке, как позже оказалось – в дымке. Прибежавшие соседи-туристы с просьбой о помощи. Какие-то дурни забыли надежно потушить костер, огонь по высохшему мху добрался до кустарника. К счастью, пожар был низовым, на верхушки сосен не перекинулся, иначе нам бы пришлось не на пожар бежать, а от него.

Мне повезло – я еще не познакомилась с Мишей, но сразу оценила его в деле. Как он распоряжался и друзьями, и людьми, которых увидел впервые в этот вечер. Команды были коротки, понятны и неоспоримы. Кому сбивать огонь ветровками, кому – подрубать еще не охваченные кусты и выкапывать канавки. С одного взгляда этот долговязый пацан оценивал трудовой потенциал каждого юнита и встраивал его в систему.

Когда не надо было командовать, сам оказывался на очередном пылающем участке. Там и обжегся слегка. Поэтому после победы над огнем меня откомандировали на стоянку соседей с медикаментами – у нас оказалась полноценная аптечка.

Так наконец-то познакомились. И номер обычного, тогда еще не сотового телефона был записан на коробке от бинтов.

А через месяц мы встретились. Причем я безбожно опоздала, задержал преподаватель, потом из-под самого носа ушел трамвай. Под конец пути к месту встречи уже и не торопилась – была уверена, он ушел из промокшего осеннего парка.

Оказалось – нет. Ждал на скамейке, причем именно на третьей от ворот, как договорились. А не на пятой, под необлетевшим дубом, хоть какой-то защитой от дождика.

Я несмело подошла. Еще не решила, как буду извиняться. А Миша встал, стряхнул воду с плаща, как пес, вытащивший палку из озера, и укоризненно сказал:

– Что ж ты так, Эмм...

Замолчал, и я лишней раз заметила, как по-взрослому, холодно звучит мое имя. Эммочкой назовет? Ох, не любила. Вроде Элочки-людоедки.

– Что же ты так, Эммушка, – договорил он.

– Меня так с детского сада не называли, – ответила я.

И тут из-под скамейки вылетела сентябрьская цокотуха, но вместо того, чтобы больно жалить, полетела искать или укрытие, или корм.

Я расхохоталась. И, глядя на недоуменного Мишу, рассказала ему свою детсадовскую историю. Компенсацию за опоздание.

Он тоже рассмеялся. Рассказал, как в детсаде сам наступал на ноги обидчикам – мол, я же топтыгин. А одному, особо злостному, во время тихого часа даже на ухо.

Вот так я и стала Мушкой. Для Миши.

Правда, иногда это ласковое прозвище менялось. И муж ворчал, что я раззуделась, как надоедливая муха. Все мозги прозудела!

Но это он не всерьез. И я никогда не обижалась.

* * *

Коляску тряхнуло, я открыла глаза. Из-под козырька виднелись меркнущие утренние звезды. Видны контуры придорожных строений.

– Барыня вернулись!

– Ма-а-аменька!

Радостный гомон, чьи-то укоризны – и не слушающая их Лизонька бегом топает с крыльца, а ее обгоняет Зефирка. И даже лапку вроде бы не волочит.

С того злополучного постоянного двора выехали мы уже следующим днем, сразу после завтрака. Лето и так не очень-то жаркое, да и август подходил к концу. Солнышко в любое время радовало, а не обижало. Надо было и нанятых лошадей вернуть, и людям успокоиться, да и мне прибегнуть к самому доступному лекарству от нервов – отдохнуть, отоспаться не в тряске экипажа, а на нормальной кровати с ребенком под боком. Что я и сделала, и средство оказалось эффективным. Даже мысли о Мише отступили, перестал мучить вопрос: а не показалось ли мне, не почудилось ли? Сама себе в минуту опасности вообразила спасителя в лице мужа, сама и поверила.

Но сон временно унес тревогу и сомнения. Проснувшись я бодрая, в хорошем настроении и сразу умилилась картине: прямо на кровати рядом со мной устроился почетный караул.

Мой сон стерегли Лизонька и Зефирка. Так старательно стерегли, что сами заснули в обнимку.

А вся остальная выездная команда, судя по тишине, ходила по трактиру на цыпочках и шипела на хозяйских слуг. Никому шуметь не давали, самого горластого петуха бросили в погреб и объяснили хозяйину, что если этот шантеклер будет слышен из темницы, то его приготовят барыне на завтрак.

Конечно, в этой заботливости наличествовал грешок любопытства: вот выспится барыня, отдохнет да и расскажет, что это такое было-то.

Я решила пойти самым простым путем: рассказать правду, но без подробностей. Меня похитили благодаря тому самому лжеполицейскому. Отвезли в Макарьев, где продали иноземцам, которым нужен был секрет земляного масла для ламп и другие мои придумки. Но случился пожар, мне удалось убежать. За мной погнались. А там уж капитан-исправник подоспел, спас меня от похитителей. И отвез в монастырь. Вот и все.

Мужики и особенно Алексей жалели, что не узнали этого раньше, а то видали они злодеев-иноземцев на ярмарке, уж они бы им!

Я же, помня огненное море и безумный переполох, еле сдерживала невеселый смех. Но сдержала – мужики от всей души жаждали заступиться за свою барыню, грех этот искренний порыв высмеивать.

Пусть лучше обещают да клянутся – если еще куда-нибудь барыня поехать изволит, беречь ее как зеницу ока и спать на полу в ее горнице «рядом с белой сучкой».

Это, как я поняла, Зефирку поименовали. Ох, простота. Ну не обижаться же?

Забавно, что особо усердствовали в этих обещаниях мужики из Егорово. Прожили какие-то три месяца под властью «блаженной» барыни, которая их не тиранила, и вот... Хотя что тут удивительного, если подумать. Нормальное человеческое отношение, что с одной стороны, что с другой. Это только пустомели любят к делу и без дела пенять, мол, люди неблагодарные. А на самом деле любой к себе хорошее отношение чувствует, если оно и правда есть.

Я встала, умылась заранее приготовленной теплой водой, позавтракала, и мы двинулись в путь. Нас проводил обиженным кукареканьем петух, выпущенный из погреба.

Да, а правильно ли я сделала, что поехала?

«Мушка, Мушка». Пожалуй, из всех слов, услышанных от него в тот день, запомнились лишь эти. Но они были реальнее похищения, побега, пожара, всех страхов. И зачем же я велела двинуться в путь, понимая, что с каждым оборотом колес расстояние между нами увеличивается, а встреча отодвигается?

Глава 3

С другой стороны, какие у меня альтернативы? Есть, но одна другой хуже. Или возвращаться на погоревшую ярмарку, надеясь, что Миша (да-да, до последнего буду верить в то, что капитан-исправник не просто так вспомнил «Мушку») там. Ну так и что? Без посторонних глаз нам не пообщаться.

А глаза будут не просто посторонние – враждебные. Уж ярмарку точно не пьяный мужичок поджег, недаром полыхнуло с разных сторон. Это торжище окончательно станет теперь Нижегородской ярмаркой. С насиженного места стронуться непросто, кто-то помог достаточно простым и эффективным способом. Поэтому Михаил Федорович сейчас и старается выявить истинных поджигателей или хотя бы сделать так, чтобы не пострадали невинные.

Соваться под руку занятому мужчине – ищите другую дурочку. Мне ли своего мужа не знать. Сейчас ему не до сантиментов и узнаваний, это точно.

Так что на погоревшей ярмарке мне делать нечего. Но и ждать, когда капитан-исправник освободится и нагонит меня на гостеприимном постоялом дворе, нет смысла.

Мужики меня одну не оставят, хоть ругайся с ними, хоть дерись. Приедет Миша или нет – неизвестно, а они будут толочься вокруг без дела и тосковать по родному селу. Не по нему даже, а по осенней страде. И так-то ворчат втихаря между собой, что припоздать могут, рожь начнет осыпаться.

Как ни крути, они все – урожденные пахари и жнецы. Пусть кто-то, торгуя леденцами и сладкой ватой, заработал премиальных больше, чем выручит за проданный хлеб... Впрочем, в этом году хлеб в двойной цене. Уже по двойной, а что к Пасхе будет?

Так что люди мои все равно ощущают себя хлеборобами и глядят с тоской на чужие поля. Нет, держать их на привязи не дело. Того и гляди начнут копытами на месте перебирать, как стоялые жеребцы.

Да и знает ли Михаил, где я нахожусь теперь? Еще отправится в свой уезд, проехав мимо. Там-то, в Голубках, он меня точно найдет. Так что домой, домой.

Из дома, нет, лучше с дороги, можно отправить письмо. Конечно же, послать не через контору, а с Алексеем. Некстати вспомнила привычку нынешних чиновников перлюстрировать почтовые отправления. Как читаешь в «Ревизоре», так смешно, а как представишь свое послание в чужих руках... брр.

Но то письмо еще надо написать. А что я в нем скажу? Вдруг мне все же почудилось? Вдруг Миша просто ничего не помнит из прошлого-будущего? Так, вспышка на накале эмоций, выхваченный из огня единственный кадр сгоревшей киноплёнки.

И что мне ему написать? Какими словами выразить то, что я хочу сказать?

Волнуюсь, как глупая девчонка. В моей памяти и года не прошло с того момента, как он прыгнул за ребятами в пруд. А я следом. И в то же время будто целая жизнь минула. Столько всего произошло. Я сама стала вспоминать прежнюю жизнь как некий далекий, хоть и приятный сон.

А что же с ним? Вдруг он совсем меня забыл? И живет свою новую жизнь, не тужит. Приедет ли вообще в Голубки или сделает вид, что ничего не было?

Всю дорогу себя этими мыслями так и донимала. Устала от них больше, чем от похищения. Письма с дороги так и не отправила. И когда вдали показались крыши родного поместья, твердо решила: при любом исходе не вешаем нос. Жизнь продолжается.

Сделаю, что могу и должна, а там что будет, то будет.

У меня планов-то громадье. Для начала надо все же разобраться, кто так упорно желает мне зла. И не связано ли это все с бумагами покойного мужа настоящей Эммочки. Чует мое

сердце, большую я глупость сделала, отодвинув этот вопрос на край сознания и заедая его повседневными заботами.

Как приду в себя, первым делом прочту наконец, что там за письма в сундучке. Может, и документы какие найдутся.

А там и пояснее, глядишь, станет, что за супостат ко мне привязался. Сначала детей крал, потом меня. Ведь теперь, вспомнив все произошедшее на трезвую голову, я вижу некоторые странные закономерности.

Например, похищение детей. Если бы их действительно крали ради выкупа, никто не стал бы так с малышами носиться. Я же всю дорогу до судорог боялась не только за Лизоньку, но и за Ариного младенчика Прошку. Много ли надо такой крохе? Не покормили вовремя, не перепеленали, застудили. При нынешнем уровне медицины детская смертность ужасающая. И хотя во многом благодаря этому те детки, которые выживают, крепче и здоровее своих сверстников из будущего, все равно...

Так вот к чему я. О малыше в лесной землянке очень хорошо заботились. И Лизоньку мою хотя и напугали поначалу, но в плену не обижали. Ни ее, ни Степку. Мало того, кто-то из разбойников неплохо знал, как вообще надо обращаться с маленькими детьми. Даже кормил не чем попало, а младенца козым молоком, тех, что постарше, – кашей на том же молоке.

То есть навредить им не хотели от слова «совсем». Что вообще киднепперам несвойственно – опыт девяностых четко говорит: даже получив выкуп, гады могут просто убить похищенного ребенка или взрослого, чтобы он их никогда не опознал и ничего не рассказал. Потому-то Миша и старался всегда найти пропажу еще до того, как несчастные родственники передадут выкуп. Иногда у него получалось. Иногда – нет. И это было страшно.

Здесь и сейчас все не так. Взять вот последнее происшествие. Меня крали и везли бережно, словно стеклянную вазу. А что иранцам перепродали – тут еще интереснее расклад.

Заказал меня кто-то другой, а вовсе не восточные гости нашей родины. Но кто?

Кому я была нужна живой и беспомощной? Что от меня на самом деле хотели в обмен на детей? И почему уголовники в конце концов решили кинуть нанимателя? Чем он им не угодил?

Вопросы, вопросы. И никаких ответов.

Впрочем, теперь есть надежда спрятаться за широкое жилистое плечо Михаила. У него опыт в таких делах – о-го-го.

Знаю, мы все тут сильные независимые женщины, да-да. Но черт возьми! Я всегда была замужем, и мне нравилось! Я женщина, я должна обустраивать дом, растить детей, заниматься хозяйством, создавать «погоду в доме», разве не так? Согласна даже зарабатывать наравне и вообще не считаться финансами. Буду нести ответственность. Но не воевать с неведомыми разбойниками!

Внешние опасности обязан устранить мужчина.

Да помню я, помню, что так бывает только в сказках. Но хоть минутку помечтать-то можно? И вообще, почему в сказках, у меня и в жизни так было...

Помечтала? Вспомнила хорошие времена? Отлично, а теперь ноги в руки, сопли в зубы, как говорил Миша, и вперед. На мужа надейся, да сама-то не плошай.

Глава 4

– Ох, страсти Христовы, Господи, спаси и сохрани, – причитала Павловна, не спуская с колен Лизу и обнимая ее одной рукой. Другой она вцепилась мне в рукав и тоже ни за что не соглашалась разжать пальцы. – Ой, бедные вы мои, сиротинушки! И заступиться-то за нас некому-у, вдовство наше горькое... родной дядька – одно слово, что дядька! Под купчихиной пятой о крови своей забыл! И приходи любой супостат, бесчинствуй сколько хочешь!

– Павловна, перестань. – Я устало улыбнулась. – Все в порядке. И заступиться кому нашлось, да и сами мы с усами, верно, доченька?

Лизонька только кивнула, но даже не пыталась трепыхаться – Павловну она искренне любила, крепче, чем иные дети родную бабушку. И жалела – гладила морщинистое, залитое слезами лицо старухи.

– Да то ж спасители разве? – непримиримо шмыгнула носом нянюшка. – Замуж тебе надо, голубушка. Муж – он перед всем миром заступа. А этот капитан, коли спасал – так и пуцай женится! Али не кавалер-охвицер?!

– Не вздумай об этом болтать, нянюшка. – Я подбавила строгости в голос. – Это мое личное дело. Сама разберусь.

– Разобралась уж... один-то раз... – пробурчала себе под нос Павловна, но больше на эту тему ничего мне не высказывала. Продолжала обнимать Лизу, настойчиво кормить меня домашними пирогами и кашей, поить чаем с травами, с малиной, с шиповником.

Дома было... хорошо. Даже несмотря на то, что старые стены штукатурены глиной, а деревянные полы снова начали скрипеть. И крышу надо перекрывать, дранка за зиму подгнила.

М-да. Меньше года я здесь, а уже стала воспринимать это место как родное, безопасное и надежное. Гнездо, за которым надо следить, о нем заботиться. Тогда и жить можно будет спокойно, уютно и долго.

Что ж... несмотря на нетерпение, съедающее изнутри, на то, что эмоции, как в молодости, норовят перехлестнуть через край, я не буду никуда торопиться.

У меня дел полно. Для начала, например, выслушать доклады всех назначенных хоть за что-то ответственными дворовых.

Доклады порадовали. Похоже, лимит на злоключения был исчерпан в поездке – ничего особо бедового в мое отсутствие не произошло. Одну девку в малиннике укусила гадюка, но бедняга уже поправилась, да и само ЧП попало в доклад лишь как объяснение, почему девица три дня не ходила на барщину. Явилась пара бродяг, сказали, что из соседнего уезда, остались работать за хлеб, трудятся без нареканий.

В остальном же мой подневольный трудовой коллектив честно работал по оставленным мною инструкциям. Несмотря на пасмурную погоду, сено было высушено и убрано. По словам огородников, грядки, в отличие от полей, обещали нынче хороший урожай.

Впрочем, время для овощей еще не наступило. Зато деревенский народ, в первую очередь бабы и детишки, потрудился в лесах. От прежней барыни остались кое-какие варенья и наливки, но, как я выясняла, посещая леса в период цветения и созревания, этот ресурс барыню почти не интересовал. Обычно в жарком августе она дремала и лишь иногда, в плохом настроении, выходила на крыльцо, видела девок, возвращавшихся из леса с корзинами, и посылала сторожа – конфисковать.

Я заменила эту смесь феодального хищничества и разгильдяйства на систему стимулов. Сбор земляники, а потом малины и черники стал частью барщины. Сборщица сдавала пять фунтов по повинности, а каждый фунт сверху оплачивался. Была введена премиальная система учета и плюсования: за двадцать фунтов – косынка, за пятьдесят – отрез ткани, годный на пошив сарафана. Нашлись сборщицы, в первую очередь из Егорово, решившие обмануть

барыньку весовым мусором. Разбор тамошнего помещичьего дома продолжался, обнаружилось обветшавшее и заплесневевшее белье, которое, однако, еще не превратилось в окончательные лохмотья. Вот его-то обманщицы и были посланы стирать на речку без учета барщины. Это им вместо похода на конюшню, где в былые времена ушлым мошенникам выписали бы горячих без жалости. Но поскольку я строго-настрого запретила физические наказания без моего личного суда над каждым случаем, розги заменили трудовой повинностью. И это оказалось не менее действенным – вместо прогулок по лесу в самый ягодный сезон, когда и песни с подружками поорать, и вечерком с парнями поаукаться, девки ушатывались на солнечной отмели до трясущихся от усталости рук. Жульничество прекратилось.

Во второй половине августа начался уже и грибной сбор, весьма обильный в этот год. Тут понадобилась целая система контроля – отделять чистые от червивых, «черные» от белых. Впрочем, и червивые не пропадали – шли в компостные ямы.

И ягодам, и грибам я нашла применение. Грибы традиционно сушились на деревянных спицах, чтобы стать основой для супов и соусов с осени и особенно в пост. Также солились и мариновались, причем по разным рецептам, с различными соотношениями огородных приправ. Я решила при первой же возможности провести эксперимент с закаткой.

Более ценным ресурсом являлись ягоды. Их сушили в товарном количестве как будущие ароматизаторы для чая и кондитерки. И конечно же, варенье и наливки – от моих свекольных затей осталось нужное количество сахара. Часть самых лучших ягод отправлялась на лёдник. Я не ошиблась с конструкцией: вырезанные на пруду и присыпанные землей ледяные бруски дожили до конца августа.

Ну и «сухое варенье», или цукаты. Павловна в строгости держала наших дворовых кухарок, делали все четко по оставленному мной рецепту. Это лакомство здесь и сейчас было редкостью, модной новинкой. И стоило больших денег.

С деньгами у меня сейчас проблем не было, но это если не учитывать запланированного расширения пахотных земель, постройки настоящей лаборатории и нефтеперегонного завода, а также прочих прогрессорских планов. И дом вот, опять же.

Глинобитные изыски хорошо пережили и зиму, и весну, а летом их еще подлатали, подмазали, подкрасили. Не стыдно и гостей позвать. Но все равно и тесновато в доме, и не очень удобно для того, кто привык к эргономике будущего века.

Надо строить новый. А это требует серьезных вложений. К тому же я собиралась сразу закладываться на будущие удобства. Уж бак на крыше и сливную канализацию с простейшей выгребной ямой смогу спроектировать. Наш дачный вариант при мне строился и налаживался.

Да не только мне удобства нужны. Люди вообще должны жить в человеческих условиях. Не мерзнуть, есть досыта, не болеть от сырости. Избы по двум деревням за свой счет отстраивать я не потяну, а вот с материалами помочь, за честную отработку, – вполне.

– Барыня, рогожера-то и впрямь удалась, – это странное выражение дало мне понять, что еще один проект годеен в дело.

Глава 5

Рогожерожа – это так дворовые, приставленные к перегонке нефти, прозвали рубероид, который мы с ними начали выделявать еще до отъезда на Макарьевскую ярмарку. Картона, чтобы пропитывать его битумом, у меня пока не было. Хотя, конечно, лиха беда начало, все будет.

А вот конопляные грубые рогожи – тех в достатке и дешево. В два слоя, да пропитать, да сеяным песком обсыпать – еще прочнее картона выйдет. И мне крышу крыть в барском поместье, и по деревням дранки не напасешься. Может, и напасешься, да процесс трудоемкий, а «рогожерожа», едва работник освоил технологию, в изготовлении легка – было бы сырье.

Я, увы, не специалист во всех химико-технологических областях. Питерский «Красный треугольник» рубероидом не занимался. Но теорию знаю, тяжелые фракции при перегонке остаются в избытке, не все ж их в печке палить как связующее для опилочно-соломенных брикетов. Уж больно вонючая добавка получается, надо с этим осторожно.

В перспективе я много куда могу это дело пристроить. А пока рогожерожа – и то хорошо.

Конечно, мой рубероидный эксперимент был ограничен объемом нефтяной переработки. А еще надо будет предупредить тех мужиков, что решат крыть им крыши, что это покрытие – горючее и хрупкое. Впрочем, не более горючее, чем хорошо просушенная солома или трухлявая дранка.

К весне пойму, как перезимуют «рогожероидные» крыши. И по результату буду решать, имеет ли смысл переносить производство в Нижний – нефть туда доставлять Волгой дешевле, чем везти в поместье тряскими дорогами. Одна эта логистика поднимает цену конечного продукта минимум на треть. А у меня вся задумка на том стоит, чтоб материал получался дешевый, доступный любому среднему крестьянину, даже и крепостному, не говоря уже об экономических. Покупателей на дорогие новинки в России нынче негусто. А вот массовый копеечный товар способен дать серьезную прибыль. И пользу принести людям – смешно, не смешно, а для меня это важно. Вот так меня в детстве научили.

Хотя, конечно, легко сказать – «переносить производство». Это дорого и хлопотно. И еще раз – дорого. Где денег взять? Очередной патент продавать Никитину? Партнер у меня честный и относится ко мне как к фактору долгоиграющей прибыли. Все равно основные доходы, да и репутация прогрессивного купца остаются ему. Не то чтобы я была честолюбива, но радостного мало.

Так как же быть? Если самой заводить производственную площадку в том же Нижнем Новгороде, там надо купить дом, землю, завести инфраструктуру. Ко всему прочему, там постоянно должно находиться мое доверенное лицо с достаточно широкими полномочиями, принимающее решения самостоятельно. Письмо, даже с нарочным курьером, идет два дня, ответ – столько же. Значит, нужен свой человек, по сути тот же сапожник на обroke. Только с ответственностью на миллион. Миллион, конечно, метафора, а так – распоряжающийся фирмой, капитализация которой равна доходу от всего поместья, если не больше. Потому что не только нефть перегонять. Можно в этом отдаленном концерне и другие производства открыть.

Все, как всегда, упирается в кадры. Пожалуй, по исполнительности и сообразительности на первом месте Алексей Иванович, даром что молод. Надо будет ему еще несколько важных ответственных дел поручить. И посмотреть, как справится.

А пока продолжить сезонное хозяйство.

Еще по прежней жизни я знала, что яблоки урождаются через год. Нынешний оказался вполне яблочным, и, несмотря на скудное солнышко, ветви ломились, а яблоки опадали. К садовым фруктам – обильным яблокам и немногочисленным сливам-вишням – у прежних хозяев отношение было почти такое же, как и к лесным дарам: собрать два-три лукошка, а

остальное или засохнет на ветках, или будет сорвано дворовой ребятней, а падалицы схрумкает скотина.

Последний вариант отныне исключался – скотина бродила по строго отведенным маршрутам, и через сад они не пролегли. Что же касается судьбы плодов, то я совершенно серьезно сообщила Андрею, утвержденному ответственным за оранжерею, огород и сад, что разрешаю оставить на каждом древе только один фрукт. Остальное – и висящее, и опавшее – должно быть убрано.

Кстати, одним из вечеров я села за подсчеты предстоящего яблочного сбора – уже к середине лета стало понятно, сколько можно ждать в среднем от каждого дерева. По суммарному весу фруктовый урожай оказался больше овощного и сопоставим с зерновым.

Это пусть прежним хозяевам поместья кажется, что яблочки – дело несерьезное, похрустеть между делом да и выбросить огрызок. Они годны и на варенье, и на цукаты, и на наливки и годятся в перегонку. Поэтому садовник наладил систему ежедневного сбора всего, что не удержалось на ветвях, а также и с самих деревьев.

Когда я осмотрела сад по возвращении, казалось, что плоды оттягивают ветки, будто их и не убрали. А между тем под навесами уже стояли четыре десятка простеньких ящиков с яблочным урожаем. В пяти огромных деревянных контейнерах находилась продукция, которой предстояло стать спиртом.

Заодно я потребовала бережного отношения к немногочисленным вишням и сливам. Они вызревали еле-еле и по вкусу были несравнимы с фруктами, купленными на Макарьевской ярмарке. Зато как естественные ароматы годились вполне.

Хлеб в этом году, как и ожидалось, уродился средненько, если не плохо, поэтому было важно, чтобы он не пропал, ни мужицкий, ни барский. Битва за урожай началась едва ли не сразу после нашего возвращения. В кузницах заранее наточили серпы, были готовы телеги – грузить снопы и везти на ток. Сам ток – большую площадку, крытую той же «рогожерожей», – тоже обновили. Не следовало надеяться, что капризная природа в этом году отведет для жатвы больше времени, чем для сенокоса. Зато цены на плоды земли русской уже теперь вдвое против того года. И прасолы уже шныряют по окрестным деревням, готовые заранее скупить урожай на корню.

Своим я строго-настрого наказала ничего не продавать. Чай, и так денег на селе достаточно, отхожие промыслы хорошо подсобили, да плюс то, что молодежь привезла с ярмарки. Проживем с хлебушком в закромах, а к весне посмотрим.

Одна проблема все же возникла. Вообще-то, предсказуемая. Причем сердиться если и следовало, то лишь на себя саму. Надо же иногда предполагать последствия даже самых разумных действий.

О проблеме доложил Еремей, тоже осуществивший ревизию своего ведомства после прибытия. Расспросил конюшенных, оставленных на хозяйстве. И явился ко мне с докладом.

– Нехорошо получается, Эмма Марковна, – деликатно начал он, как говорят все слуги, когда плохие последствия наступили из-за неправильных распоряжений барыни.

Поздравляю с надвигающимися долгими выходными и увидимся во вторник;)

А пока, чтобы не скучно было, попробуйте на зубок новую книгу моего любимого соавтора. Ирина Смирнова, «Искушение для нечисти». Я искренне тащусь, настолько необычная концепция мира и отношения в нем!

Глава 6

– В чем дело? – спросила я, ожидая услышать дурную новость вроде кражи или падежа конского поголовья.

– Да вот, нехристь ваш, Эмма Марковна, приучил народец к кобыльему молоку, так стали конюхи на это дело барских кобыл доить, кумыс делать – жеребят не остается. Хилые да квелье стали, это ж куда годится?

– Без разрешения? – не поверила я.

– Ну как, – замялся Еремей. – Народец-то ушлый... пригляда, опять же, строгого не было. Конюхи за дармовой табачок да девкину лишнюю улыбку и разохотились. Я уж, простите, без вашего приказа холки-то намылил дуракам, но за каждым конюхом ходить – никакой толковой работы не выйдет. Тут вам, барыня, вмешаться надобно. И уж простите, не баловать людшек-то. Штрафные работы – хорошо, так это для барщинных. А своих, дворовых, и постегать не грех. Вон как разъелись за год – телеса заплывчатые.

Я улыбнулась этому неожиданному одобрению своей деятельности – люди за год начали нормально питаться. И задумалась.

М-да, проблема. Я категорически против телесных наказаний и делаю исключение из этого принципа только в самых чрезвычайных обстоятельствах. Собственно, в последний раз на конюшне «правили» бывшего старосту. И то не за воровство больше, за рукоприкладство. Едва Дениску тогда насмерть не забил, аспид.

Только вот народ мой либерализм не понимает. Одно дело – девок жалеть, вместо кнута на работу гнать. И то старики ворчат. И совсем другое – молодым здоровым конюхам попускать. Вон Еремей уже насупился, предчувствуя, что разгуляться его кнуту я не дам.

– Еремей Григорьич, что холки намылил, это правильно, – сказала я.

Лицо главконюха слегка посветлело. Я давно привыкла обращаться к старикам и должностным лицам исключительно на «вы». Я-то привыкла, а люди – нет. Поначалу удивлялись, теперь радовались.

– Прочим сказано будет, – продолжила я, – что доить без приказа кобылу – что корову барскую доить, что из амбара зерно отсыпать. Все воровство, хоть и мелкое. Кого поймаешь – посылай на отработку, навоз ворочать. По шее дать разок тоже можно.

– Понял, Эмма Марковна, так и сделаю, – сказал Еремей. А я еле сдержала смех. Представила, как отправят вора убирать навоз. А завзятый воришка еще украдет и его, для брикетов на свой огород. Вот такие издержки безотходного хозяйства.

Вообще-то, я давно понимала, что человек в условиях внеэкономической эксплуатации считает едва ли не естественным вознаградить себя на своем участке работы всем, чем можно. Искоренить это – увы, никак. Надо только свести издержки к минимуму. Дарить овощи огородникам, тем, кто не попался на воровстве.

А с девицами, собиравшими ягоды, вышло еще лучше. В отличие от матушки Татьяны Лариной я не заставляла их петь среди смородиновых и малиновых кустов, чтобы исключить сопутствующее поедание. Зато в первый день сбора поблагодарила за работу и угостила цукатами.

– Собирайте побольше, девоньки, вам же побольше и перепадет такой вкусноты.

Показалось или нет, но на следующие дни юные мордашки были меньше перепачканы соком, чем в первый. Корзинки же заметно потяжелели.

А если съели девчонки сколько-то ягод, так и на здоровье. Зима впереди долгая, пока есть возможность – надо укреплять тело, запастись витаминами. И не только барам, но и крестьянам. Как бы ни пыжились местные господа, те, кто поумнее, понимали: без крестьян они никто. С голоду помрут, по миру пойдут.

Все радости крепостничества, о которых я привыкла читать в классических произведениях, касались в основном дворовых. Этим и за людей господ не считали, особенно девок. В глаза частили дармоедками и бездельницами. При том что обычно дворовая девка с рассвета и дотемна крутится по дому, не присядет. А если и присядет – то в девичьей за пядь, за коклюшки, к прятке.

Все девчонки чуть ли не лет с пяти учатся и спицы в руках держать, и кружева плести, и вышивать. Все могут сбегать в подпол за квасом, подмести пол, гусей выпастить, барыне пятки чесать. Пропадет одна – ей на смену придет другая, не Манька, так Арина или Дуняшка. Вот и не ценится тут ни труд их, ни сама жизнь.

Ну разве что кроме каких-то особых мастериц, обученных тонкому ремеслу – златошвеек, например. Таких отправляли еще малышками в Москву, на Кузнецкий Мост, знаменитый своими мастерскими. Платили за науку неплохие денежки и после выжимали из обученной девки все соки, чтобы оправдала вложения. Но и просто запороть ее на конюшне или отдать за полоумного вдовца в дальнюю деревню на погибель уже считали непрактичным.

А вот «тяглецов» берегли все, кроме самых жестоких самодуров или просто дураков. Не будет пахарей – не будет хлеба. Крестьян «не баловали», но и не морили. В голодный год кто поумнее, тот и подкармливал, так, чтоб не перемерли.

И все равно, пройти по людской спине что прутьями, что кнутом никто не брезговал. Кто из мужчин-помещиков полютее – тот и сам за нагайку брался. Остальные имели холуев из дворовых, к которым и посылали провинившихся «на правед».

Тут я довольно сильно выделялась на общем фоне, и это тоже породило массу слухов. Вплоть до того, что некоторые ретрограды уже шипели, мол, молодая да ранняя, а уже бунтарка, противу отеческих устоев восстает.

И не то чтобы я их совсем-совсем не понимала: пошел мужик между севом и сенокосом поработать на моих производствах, вернулся сытый да с деньгами в узелке и начал дивить рассказами про странную барыню, приходившую к которой было боязно, а расставаться не хотелось.

Впрочем, общий тон слухов был глуховат, мои денежные удачи затмевали все. По осени в нынешнем, не особо хлебородном году, как пить дать, потянутся соседки в гости – задарма чужих харчей поесть, на диковинки поглядеть. Урожай-то поторопились продать еще с поля, потом подсчитали остатки в погребах и амбарах и поневоле ощутили себя Плюшкиными: корки беречь стали.

Ну, а кто сытый, тот с иным прицелом: денег занять. Под расписку, знамо дело. Тут так принято.

А я еще посмотрю, кому одалживать, а кто и обойдется. Злые языки надо укорачивать – это первое. А второе, нынче с долгами при желании займодавца строго. Можно те расписки в присутствие отвезти и предъявить к оплате. Тогда на имущество должника наложат арест.

И есть у меня на примете пара имений, где крестьян уже ветром шатает оттого, что барин пьет да лютует не по делу. Сейчас-то, на пару месяцев, беда отойдет, осенью, как говорят, и у воробья пир. А потом пойдут мужички побираться еще до Рождества.

А барин свое кровное имение-то не продает, только закладывает. Вот и способ прибрать к рукам, округлить собственные владения.

Нечестно? А почему? Денег я дам, не пожадничая. И людей, на которых смотреть страшно и совестно, глядишь, потихоньку вытяну. Если у меня есть ресурс – надо его по делу применять. К общей пользе.

Тут-то и случилась неприятность, подтвердившая мои худшие предположения.

Глава 7

Архив моего покойного геройского супруга, а проще говоря, пачка конвертов с письмами, имел незавидную судьбу. Только я собиралась усесты за него всерьез, происходило нечто отвлекающее.

Вечер, вроде бы самое подходящее время для неторопливого чтения у свечи, когда если кто и мешает, так это не заснувшая осенняя муха. В день прибытия, точнее под конец дня, было не до писем. А назавтра, едва я зажгла свечу, в комнате послышался шорох, легкий топот босых ног, и я сразу догадалась, что это за визит.

– Маменька, сказ-ку, – потребовала Лизонька, а Зефирка просто дернула меня за халат.

По дурной привычке, сохранившейся и в XXI веке, не говоря о XIX, ребенка следовало погнать в постель. Но я вспомнила, как падала без ног каждый вечер на ярмарке. Особенно под конец, когда приключение догоняло приключение. Малая перешла в ту стадию заброшенности, когда заводят вымышленных друзей. Тут, к счастью, появилась Зефирка. Однако все равно наилучшая псина маму не заменит. А я и сказки на ночь задолжала, страшно подумать сколько, и обычное общение.

Так что тот, компенсационный вечер провела в детской. Поэтому решила добраться до писем днем. Сейчас-то что меня отвлечет? И не удивилась, услышав стук в дверь.

– Эмма Марковна, к вам Иван Платонович изволят-с! – доложил Ванька, дневной швейцар и ночной сторож. Вообще, по этому опрятному и сметливому недорослю было видно, как понемножку меняются люди, когда относишься к ним благожелательно и справедливо. Поначалу кичился, смотрел свысока не то что на сверстников – на старых мужиков и дворовых: у барыни при дверях стою! Теперь же, похоже после зимы, особенно драматичного февраля, эти замашки оставил. В целом стал себя тише вести.

– Пригласи Ивана Платоновича.

Дядюшка явно прибыл не просто так. Но соблюл традиции: расспросил меня о здоровье, а еще о Лизоньке. Ответил на мои столь же вежливые вопросы. Поругал-похвалил нынешний год, не очень урожайный, зато цены на хлеб взлетели так, как не бывало в прежние времена, когда все побивал град на полях или случались майские заморозки. Кстати, весной по моему совету он перевел десять процентов пашни под картошку и теперь хвастался результатом.

– Ворчали мужички, мол, чертовы яблоки, посець пришлось не раз. Зато теперь трескают и радуются.

Поговорил со мной о недавней поездке. Получил подарок – два фунта добротного и крепкого турецкого табака.

А потом перешел к делу.

– Слушок, Эммочка, пополз. Глупый, конечно, даже гадкий. Но вот такое дело...

Чтобы собраться и рассказать про слушок, дядюшке пришлось выпить еще рюмочку, под малосольный огурчик. Рассказывал он медленно, время от времени останавливаясь для извинений. Я его понимала – действительно гадость. Вот только из тех гадостей, на которые и хочется возразить, да непонятно как.

Слушок касался весенней покупки сахарного завода, недавно сплавленного мною по Ветлуге в Волгу и проданного. Того завода, что завел в прошлом году дико-прогрессивный помещик. Прогрессивный – потому как завел такое производство один не то что во всем уезде, а во всей губернии. А дикий – велел крестьянам сеять свеклу вместо ржи, перевел их в работники из полусамостоятельных хозяев. Ну и доигрался, помер при сомнительных обстоятельствах, после чего я купила оборудование с запасами сырья, но к середине лета разочаровалась – климат здесь не для сахарной свеклы.

Но это – фактическая сторона. А легендарная состояла в том, что изголодавшиеся мужики ходили ко мне в поисках работы, а я им постоянно намекала, что хочу завод этот купить и перепродать за хорошие деньги, чтобы ваши сахарные муки закончились. И вообще, у меня хорошие связи с уездной полицией, так что, если что с вашим барином и случится, вам ничего не будет.

Ну а дальнейшее известно. И к сожалению, по всем пунктам соответствовало легенде. Заводик-то я и вправду купила. И вправду перепродала, а что на этой истории чуть не влезла в минус, кому нужны подробности? Да и мужикам дикого барина за это и вправду ничего не было – не будешь же говорить, что чудаковатый капитан-исправник...

...На самом деле мой Миша или нет?

...Не хотел подводить под кнут и каторгу половину дворни, замешанной в этой истории.

Была лишь одна нестыковка: мужички-то стали ходить ко мне работать в половодье, когда завод уже был куплен. Но в какие времена легенды не противоречили исторической хронологии? Так что правдоподобность, увы, присутствовала.

– Я вот что еще слышал, – закончил дядюшка, подливая настойку, – мол, какой-то дворовый усовестился, сказал на исповеди, как было дело, а поп велел ему идти в полицию. Дворовый-то пошел и показания дал. Сама понимаешь, племяшка, одно дело, когда просто болтают, мол, капитан Ухин девок нагишом гонял по деревне. И другое, если где-то бумага лежит с показаниями. Мужичьи слова, писарем записанные, – дело пустяшное... пока в высокую инстанцию не вознеслись. А там уж не от нас зависит. Выиграл вчера генерал в картишки – узнал, посмеялся, велел забыть. Проигрался – велит расследовать. Но это только слухи, а есть такая бумажка или нет – не знаю.

Да уж, это не просто болтовня о барыне-чудачке, что невиданные лампы делает, чай с отдушкой да еще с мужиками непривычно ласкова. И как узнать, кто слухи распространяет? Дядина супруга, купецкая дочь? Нет, вроде мы уже давно не в обиде, да и чего дядюшке было сюда являться? Мстит бывший староста Селифан? Кстати, недавно слышала о нем: живет в экономическом селе, не бедствует, явно ко мне присматривается, потому как весной арендовал огороды, засадил картошкой и сейчас в выгоде. Только вот слух о полицейских показаниях – его ли уровень? Впрочем, в селе урядник есть, мог его водкой угостить и вызнать подробности полицейского механизма.

Ладно, думать надо не кто запустил слух, а что мне делать. Поэтому я энергично и кратко уболтала гостя, напоила чаем, выпроводила. После чего задумалась.

Деньги у меня есть, не говоря о векселе, который, правда, здесь лишь бумажка – предъявить его можно разве что в Нижнем, да и то лучше в Москве. Но мне сейчас надобен не столько капитал, сколько хорошее объяснение, откуда он у меня взялся. Что я торгую патентами, мои милые соседи, Скотинины и Простаковы, не поймут – слово такое известно им не больше, чем их нищим мужикам. Не поверят и в доход от производства чудесных ламп и вкусного зефира, хотя сами такой зефир смаковали при свете ламп. Небось до сих пор думают, что я в долги влезла и эти красоты и вкусности откуда-то привезла. Ну, не барское и стократ не дамское дело – лампы изобретать.

Значит, надо придумать внятный-понятный ответ на вопрос, пусть и не заданный, откуда у меня денежки. Не от продажи урожая – в сентябре его не продают даже самые дикие и бедные помещики. Но у меня есть один ресурс, который копился еще с весны. Вот он-то и пойдет не только на продажу, но и на оправдание.

Глава 8

То, что помещикам по привилегии от императрицы Елизаветы Петровны можно курить вино – делать перегонный продукт, я знала. Для домашних нужд – пожалуйста, впрочем, не больше девяноста ведер, а вот излишки полагалось сдавать на казенные заводы. Кстати, любопытный нюанс – только тем помещикам, которые находятся в своих имениях. А если служит, по военной или штатской линии, то винокурню оставить на аутсорсинг нельзя.

Кстати, задумалась – не наблюдался ли в указе государыни элемент гендерной дискриминации? Если дворянин служит в столице, может ли супруга, оставаясь в поместье, производить вино? Или ей надлежит находиться по месту службы мужа?

В любом случае я в поместье имею полное право превращать в спиртосодержащую жидкость любое сырье. Другие бары в нашей округе по старинке перегоняли исключительно зерновые, когда урожай хорош и цены упали на хлеб. Ну а я доставшемуся в наследство аппарату застаиваться не дала, более того, завела еще девять штук. Три с зимы уже стояли, после поездки в Нижний, а еще шесть я привезла с Макарьевской ярмарки. Причем выбирала придирчиво, проверяла все: от бака до змеевика. Осталась довольна. И спирт буду производить, и прочую полезную химию – скипидар...

Настойки двойной перегонки – для себя, а так накопилось почти три гектолитра жидкости под 60 градусов, которая по нынешней терминологии называлась «спирт».

Его-то я и сдам на казенный завод. А исполнителем у меня Алексей Иванович – вот и проверка его менеджерских качеств. Для начала доверила ему подготовку «спиртового обоза» – подобрать герметичные бочонки и большие бутылки, наполнить, запломбировать, самому подсчитать возможный выхлоп и сообщить мне итоговую сумму.

Сложнее оказалось с запланированным доходом. Я понимала, что моего менеджера ждет жесткий конфликт с казенными чиновниками, которые постараются и объем приуменьшить, и спиртовую составляющую. Для последнего случая Алексей был вооружен ареометром, купленным и поверенным в Нижнем Новгороде, с прилагаемой справкой о проверке. И, конечно же, инструкциями: с кем идти на компромиссы, каких чинуш радовать чаем, каких – чудными лампами с небольшим запасом керосина, кому нарядной коробки зефира и пары бутылочек особой лекарственной настойки хватит. Они все едино такую прежде не пробовали, при всем при том, что опыт в деле питья имеют гигантский. В общем, его задача – создать хорошее впечатление и желание дальнейшего сотрудничества. Но большого ущерба не допустить.

Алексейка был, безусловно, готов к своей миссии. Вычистил и выгладил ярмарочные наряды, взял с собой мой подарок – бритвенный прибор. Пожалуй, опять примут за дворянского сына. Хотя и вправду усыновляй. Нет, пожалуй, поздновато.

Спиртовой обоз отбыл в Нижний Новгород – губернский центр – как раз утром того дня, когда меня посетил дядюшка. В губернский, а не в уездный, потому что в нашем уезде откупщик один и слава о нем на редкость нехорошая. Скуп, не в меру вороват, без обману прожить не может, при том что система откупов дает в эти времена таким, как он, до двухсот миллионов рублей в год. Сумасшедшие деньги!

Понятно, что не одному человеку в карман, но уж коли ты к этой кормушке пробился, то все, ты обеспеченный человек. Даже взятки и прочие изъяны, которые претерпел на пути к заветной цели, вернутся в твой карман не далее чем через год. А потом – кататься, каналья, как сыр в масле! Главное, начальство подмамливать не забывай. И своих близких не ущемляй, не скопидомствуй, не обманывай совсем уж безбожно.

С последним у нашего уездного откупщика и случились проблемы.

Про систему откупов я много узнала от Ивана Колесова, управляющего Никитиных, и от своих же дворовых. Откупщик – это человек, который получил контракт, заключаемый на

торгах, вроде наших тендеров, в особом ведомстве. Понятное дело, как и с тендерами, торги крайне редко бывали честными. Контракт этот определял, на каких условиях откупщик принимает в казну спирт и как дальше реализует его в розницу – в виде водок разной крепости, медовух, настоек и прочего.

Откупщик в это время именовался «коронным поверенным», то есть доверенным государя императора, с весьма широкими полномочиями. Чиновник он, проще говоря. Но при этом жалованья ему не положено никакого. Легально он имеет маржу с тех же хмельных медов, водок и пива. С продажи закусок, а еще – со штрафов, какие накладывают на любого, кто решит сам гнать и продавать спиртное. Штрафы, вестимо, взыскивались через полицию, только кто же с ней захочет дело иметь, если можно обойтись? Те же кабатчики частенько самогонованием баловались, а еще чаще – скупкой неучтенных спиртных напитков. Посему держали на взятках не только полицмейстера, но и откупщика.

Однако основные доходы этот товарищ получал за счет обмера, обсчета, запугивания мелкого производителя и фальсификации водки. Проще говоря, понижения градуса.

Бывали среди них, конечно, те, кто «воровал в меру, по совести». Но не все, далеко не все. А уж если в уезде, то монополист.

В общем, до Нижнего подальше ехать будет, зато вернее. Там и подсказать есть кому, и посодействовать, рекомендацию к хорошему откупщику дать. Если явится управитель от Эммы Марковны Шторм, то не поймут. Еще и скаламбурят: почему не от Бури? Если же от Никитиных, то поймут сразу. И отнесутся с уважением, как к контрагентам самого серьезного торгового дома губернии.

Примерно с такими же напутствиями я отпустила Алексея Ивановича со спиртовым обзომ. Дала ему рекомендательное письмо, повелев сперва заглянуть в контору Никитиных, а потом на завод.

На сборы ушел вечер, проводила поутру. И решила все же добратся до бумаг покойного Эммочкиного мужа. Просто сесть и прочитать.

«Дорогая моя Эммочка...»

Чуть лист не отложила. Будто принялась читать чужое письмо.

А может, и лучше, что чужое. Вот если начиналось бы оно «Дорогая Эммушка»... вот так было бы хуже. Будто мой родной человек написал. И я знаю, что его уже нет.

Нет, тот Миша, что лежит в предместьях Парижа, писал Эммочке. А вот мой Миша...

Я заставляла себя читать этот текст, пробираясь через, в общем-то, твердый, уверенный почерк, только чернила плохие, выцветшие. Может, это и к лучшему – будто я в архиве, читаю древнее письмо.

Писал супруг Эммы Марковны, что он уже гвардейский капитан, что война заканчивается, что следующее письмо придет из французской столицы. А еще писал, что цыганка ему гадала в Страсбурге, что путь его славный, а жена его любит. И еще что-то добавила на неведомом языке, но он не понял.

Вот я – поняла.

Отбросить сантименты, читать дальше. В этих письмах должны быть ответы на вопросы, возникшие еще с осени.

Не сразу расслышала стук в дверь.

– Эмма Марковна, – несмело сказал Ванька, – к вам...

Глава 9

– Эмма Марковна, – несмело сказал Ванька, – к вам...

И запнулся. Будто даже хотел сказать имя, но не выговорил.

Не будь этой запинки, я бы удержалась от глупой шутки. Или даже не шутки. Видимо, я настолько ощутила себя Эммочкой, той самой девчонкой-вдовой, телом которой я пользуюсь уже почти год... да, кстати, вспомнить, в какую дату, отметить второй день рождения.

Но сейчас не до этого. Просто ощутила себя девчонкой, хлебнувшей неожиданного счастья, а потом – горя, когда пришла тогдашняя похоронка. В кои-то веки села почитать письма покойного мужа, а тут очередной визитер. Помещик Гусев, поговорить о погоде, выпить настойки, вкусно закусить и под большим секретом поведать мне слух, который известен мне и без его услуг. Да, еще денег попросить или зерна: «Уж будьте любезны, заранее благодарствую, до Рождества верну». Ага, вернет...

Нет уж! Занята!

– Вели передать, что для всех, кроме государя императора, я сейчас занята! – резко сказала я.

И опять склонилась к письму.

– Эммарковна... – неуверенно произнес швейцар-подросток. Потом скрипнула дверь.

Я прочла еще пару строк о февральских дорогах северной Франции, таких же грязных, как и наши, о вкусном, но приевшемся блюде – супе из вина и сухарей. И только тут сообразила, что вообще-то пошутила достаточно резко.

Подошла к окну. Во дворе возле экипажа стоял Михаил Федорович и беседовал с Ванькой.

Михаил Федорович – капитан-исправник. Тот, что «Мушка».

Вам приходилось исправлять одну глупость другой? Я чуть было ее не совершила – уже занесла ногу на подоконник, чтобы выпрыгнуть в окно. Но удержалась. И даже не стала кричать. А просто помчалась в коридор. Заранее решив, что, если гость велит поворотить поводья, велю не запрячь, а оседлать и поскачу вдогонку.

К счастью, не пришлось. Едва выскочила на крыльцо, столкнулась с Михаилом Федоровичем.

– Эмма Марковна, – встревоженно спросил он, – опять у вас какая хирургическая беда в поместье?

Мой пристыженный взгляд мгновенно преобразился в удивленный.

– Швейцар сообщил, что вам необходим сударь-оператор, – пояснил гость.

Гнев, стыд, удивление... буйный смех. Ну да, хирурга, привезенного в поместье спасать Демьяна, называли «оператор». Ванька запомнил многократно услышанное слово и обратился к гостю – вы врача не привезли?

Смех – штука полезная, говорят, жизнь продлевает. Но имеет побочный эффект – необходимость объяснять его причину. Придется так и сделать, когда сядем за чай.

А почему Ванька запнулся – понятно. Привык объявлять гостей по имени. И не сообразил сразу, как представить Михаила Федоровича. Забыл чин, похоже. А нынче ж не так скажешь, и по шее схлопотать недолго.

Да, а я-то буду как к нему обращаться?

Вышла из положения нейтральным и вполне уместным при слугах «милости прошу, сударь». И сама пошла обратно в дом, через теплые сени в кабинет, все время слыша его шаги за спиной.

А как вошли и он дверь прикрыл, так силы мои и кончились. Овернулась, да, видимо, с таким лицом, что и слов не понадобилось.

А он, как всегда, взял инициативу на себя.

– Мушка, – на ухо сказал Миша, когда я шагнула к нему и почти упала. – Ну тихо...

– Миш, – вышел какой-то жалкий всхлип, но мне было все равно. – Ты меня хоть помнишь?

– Плохо, – спокойно признался муж. Таким родным, привычным тоном, каким в прежнее время признавался, что следствие завязло, если не в тупике. – Точнее, тебя помню лучше всего прочего. Словно сон в тумане видел, длинный и логичный. Долго понять не мог, чем ты меня так цепляешь, все равно как улей в голове шурудишь, мысли начинают жужжать и метаться без толку. Думал, грешным делом, влюбился. А оно вон что...

– Ну и дурак. – Я прильнула к мужу еще плотнее, всхлипнула ему в плечо. Словами не передать, какая гора только что упала с моих плеч. – Конечно, влюбился!

– Мушка, мы тридцать лет вместе прожили, какая влюбленность. Ты еще цветов потребуй и свидание с романтикой.

– А говорил, не помнишь! – Я тихо засмеялась сквозь слезы.

– Забудешь с тобой. Как ты рядом – так пчелы жужжат, мухи в глазах мелькают, зато облака и туманы рассеиваются, – усмехнулся муж.

И обнял меня еще крепче. Его руки, губы, прерывистое дыхание говорили лучше любых слов. Хоть огнем вокруг меня сейчас дом гори – я бы не заметила...

– Мушка, главное, ты нашлась. Дальше разберемся, – сказал муж, когда мы наконец наобнимались. Точнее, не наобнимались, конечно. Так уж вышло, что простые объятия для нас с Мишей всегда значили больше, чем самые жаркие поцелуи. И после долгой разлуки сразу насытиться близостью было трудно.

Одно хорошо – несмотря на помолодевшие тела, мы оба взрослые люди. Умеем думать головой, а не гормонами. Так что урона моей репутации все ж таки не допустили, через десять минут, не позже, Павловна принесла в кабинет самовар, пироги, плюшки и другие заедки. Только приступить к чаепитию мы не успели. Сначала, дождавшись, пока Павловна выйдет, снова обнялись, а потом нас и вовсе отвлекли.

Точнее, Мишу отвлекли, дернули за штанину. Рычать Зефирка еще не научилась, поэтому жевала одежду гостя с визгливым щенячьим энтузиазмом.

К визгу добавился топоток, тотчас же стихший. Пожаловала Лизонька. Остановилась и взглянула, поджав губки, как нередко делала, оказавшись в непривычной ситуации.

И вправду непривычная. Мама то ли борется, то ли обнимается. Нельзя сказать, что с незнакомцем, общались они в прошлом году, да к тому же Миша оказался первым знакомым взрослым, обнаружившим детей возле той самой злополучной избушки.

И все равно, к новому статусу дяди Миши придется привыкать. Незнакомая ей модель отношений: взрослый мужчина, постоянно рядом с мамой.

Взрослому мужчине предстояло найти выход из ситуации. И он, конечно, нашел.

– Как подросла Зефирка-то наша, – сказал Миша. Нагнулся – я заметила, что почти без усилий, – поднял псинку. Та игриво его цапнула и пустилась лизаться.

– А какие-нибудь команды она знает? – спросил муж, причем таким тоном, что ясно – надо отвечать.

– Не-е-е. А сто такое ка-манда? – спросила девочка.

Миша поставил Зефирку на пол. Повелительно и резко произнес: «Сидеть!» Псинка удивленно взглянула на него. И села, правда вскочив через пару секунд.

– Лежать! – скомандовал Миша. Так как Зефирка не торопилась, опрокинул ее на спинку. Зефирка задрыгала лапками, Лизонька рассмеялась.

– А еще мы научим ее давать тебе лапу, – сказал Миша.

«Кажется, взаимоотношения с отцом у моей дочери будут в порядке», – подумала я.

Жаркая буря улеглась, настало время размышлений. Пока что наши обьятия видели Зефирка и Лизонька... как минимум. Мог и кто-нибудь другой. Если и видел, то мне не скажет, а вот другим...

Глава 10

У дворни почти никаких развлечений не существует. Разве, по молодости, на качелях после Пасхи покачаться да поплясать на празднике. На санях зимой с горки скатиться. А сплетни – в любое время года, в любую погоду и в любом возрасте.

Сплетничают друг о дружке, ну и заодно перебивают косточки господам.

Так как обычную для нынешнего времени систему наушничества я не создавала и ни разу не карала за болтовню, то для этой процедуры кандидат получаюсь самый подходящий. Уже не сегодня завтра кто-нибудь шепнет перед сном: «Ох, наша барынька-то». И ладно, что у нас, но скоро этот слушок перелетит из моей людской в гостинные соседних усадеб.

С другой стороны, пойдет слушок, и что? Никакие моральные декларации мой Миша по месту службы не подписывал. Может, учитывая иные слухи, так даже и лучше: «Знаете, какие амуры у голубковской барыни с капитаном-исправником?»

Может, учитывая другой слушок, касающийся свекольного завода, так даже и к лучшему. Поопасется так нагло на меня клеветать, если узнают, что найдется тот, кто как следует в деле разберется.

А с другой стороны, еще подумать надо. Не выйдет ли большей беды – скажут, за-ради полюбовницы преступление прикрыл капитан-исправник. Еще и на него донос напишут!

Да, Мише надо срочно все рассказать. Будем думать вдвоем, это у нас всегда лучше получалось, чем поодиночке. У него опыт и холодный разум, у меня интуиция и чутье.

Я посмотрела на Лизу, оценила ее чуть насупленные бровки и серьезные глаза. И явный прицел забраться к Мише на колени. Кажется, малышка окончательно его вспомнила как спасителя от страшных дядей. А еще ее покорило то, как мой муж обращается с Зефиркой. К ее собаке еще никто, кроме меня, не проявлял столько интереса и внимания.

М-да, вывод из этого один: выставить ребенка без слез не выйдет. А надо ли? Лизонька не болтлива с чужими, если что и скажет, только Павловне. Или мне самой. Да и не поймет она пока ничего толком из наших разговоров.

– Миша, давай-ка я тебе расскажу все с самого начала. Тут у меня дела творятся – настоящий детектив. Все для тебя.

– Да я уж понял, – хмыкнул муж и все же подхватил Лизу на руки, усадил себе на колени. Посмотрел на меня поверх детских волос внимательно и... как-то так, что я сразу вспомнила: детей мы хотели вместе. И Миша не меньше моего.

Пока же он начал покачивать Лизоньку на коленях. Ребенок сначала рассмеялся, а когда «конек» чуть сбавил темп – задремал.

– Рассказывай, Мушка, будем разбираться. У меня свои соображения есть, но с ними погодим, сначала ты, – сказал муж.

– Покаюсь тебе сразу: глупость сделала, – вздохнула я. – Не просмотрела бумаги тут одни. Давно лежат, все никак руки не доходили. Да и не хотелось лезть, все же чужие письма от чужого мужа, понимаешь?

И я снова поставила на стол и открыла шкатулку с письмами от Эммочкиного супруга.

– Мушка, ну ты даешь, – только и сказал Миша, когда я поведала ему, что вот эти вот бумаги с осени не могу разобрать. – А вдруг там ответ на все вопросы? Ведь того несчастного щеголя не просто так на твоей березе повесили, да и остальное разное, что вокруг поместья и тебя самой творится, неспроста. Ну-ка, быстренько, давай вдвоем глянем. Эмоции оставь в стороне, ты умеешь.

Сразу стало ясно – за дело взялся профессионал. Да к тому же профессионал вдвойне: я только сейчас сообразила, что он с прошлой осени почти каждый день читает реляции, про-

токолы, осведомления, может, даже переписанные циркуляры. Конечно же, если я брела по строчкам, то он – скользил. И мгновенно понимал смысл.

Большинство бумаг откладывал. Несколько раз сказал:

– Будет время – посмотри. Настоящий исторический документ.

А в один листок взгляделся подробнее. Начал читать:

– «Известие, полученное из Первопрестольной, несомненно, относится к горестным и даже в какой-то мере досадным: пережить посещение Москвы Бонапартием, чтобы скончаться год спустя, не узнав о еще не состоявшемся, но вполне ожидаемом нашем ответном визите в Париж. За неимением стола мне опять пришлось писать на трофейном барабане, и, пожалуй, я еще не подписывал столь значимых бумаг, как сегодня. Они отосланы с оказией непосредственно в Москву. Эмочка, ты моя главная удача в жизни...»

Миша остановился, пробормотал почти виновато:

– Читать чужие письма – профессиональная обязанность, пожалуй самая трудная. Продожаю: «...главная удача в жизни, а печальное известие серьезно подкрепит эту удачу, причем в тех масштабах, которые я еще сам не могу представить. Я отослал в опекунский совет рапорт и даже получил официальный ответ. Тем не менее все в порядке, насколько можно было бы. Лично я явиться в Первопрестольную не мог, по очевидной для нас причине. Но это, как я понял, не препятствие для достаточно простого юридического действия. Так что далее мне следует позаботиться уже о вас с Лизонькой. Сегодня же попрошу Павла Сергеевича, нашего уважаемого полковника, исполнить роль нотариуса и засвидетельствовать мое волеизъявление. Надеюсь, ты поймешь: война не закончена, а такую процедуру необходимо упростить».

– Хм... Но я в бумагах никакого волеизъявления не видела. Где же оно? – спросила я, сама задумавшись и начиная быстрее перебирать вскрытые конверты. – Если оно засвидетельствовано у полковника, там должна быть какая-то печать. Или хотя бы подписи свидетелей, например. Верно?

– Верно. Видимо, он либо не успел это самое волеизъявление оформить, либо...

– погоди, а где письмо полковника? Там что-то такое было... – Я схватилась за уже просмотренную почту. – Вот, смотри.

Я взяла лист и...

Не то чтобы верила в энергетику, тем более энергетику предметов. Но если прочие письма ощущались простой бумагой, то это – будто пылало. Эмоциями Эмочки, когда-то взявшей его в руки.

«С глубокой печалью сообщаю вам, Эмма Марковна, что...»

Про такое письмо можно сказать: читала и не читала. После первого абзаца проплыла взглядом по остальному тексту с подробным описанием битвы на окраине Парижа. К чему вчитываться, если главное сказано в начале?

Потому-то, кстати, родители покойного мужа это письмо не увидели. Получили свое от того же полковника – лаконичное, утешающе-ободряющее, без дальнейшей приписки, касающей меня.

«Милостивая государыня, я взял на себя заботу отослать некоторые важные бумаги вашего мужа сразу поверенному, так что никаких задержек в ваших делах случиться не должно. Думаю, вы вместе с родителями покойного супруга сумеете найти время и возможность посетить Первопрестольную нашу, где и обратитесь по известному адресу. Либо же сразу в опекунский совет. Впрочем, учитывая тяжесть вашей потери, полагаю, что может произойти некая задержка, и о том я тоже предупредил в специальном рапорте на имя главнокомандующего».

– Я это письмо смутно помню памятью Эмочки. – У меня вырвался тяжелый вздох. – А потому и не перечитывала. Боялась испытать ту же самую боль. Кто-то скажет «глупая девочка», а я ее понимаю. У самой были в детстве книжки, которые перечитывать было страшно, а тут не книга – сломанная судьба. Потому-то Эмочка в Москву и не поехала.

– Да уж. – Миша покачал головой и поудобнее устроил дремлющую Лизу на руках. – Выход один. Надо ехать в Первопрестольную и все выяснять на месте. Из-за пустяков столько суеты со смертоубийствами и похищениями никто разводить не стал бы.

Глава 11

Я кивнула – в Москву ехать надо. Еле сдержала печальную усмешку – вспомнила приключения, сопровождавшие две мои прежние поездки. А тут путешествовать не в пределах Нижегородской губернии, а в достаточно далекий город. Да еще без точного понимания, в какое ведомство обратиться.

– Надо ехать в Москву, – произнесла я. С такой интонацией, что Миша все понял.

– Нам надо ехать, Мушка. Большим барским обозом, по первопутку. Ты ведь Лизоньку не оставишь?

– Предыдущий раз инициативу проявила она, – я улыбнулась, – на этот раз возьму ее сама. Чтобы без инициатив, а то и поседеть недолго.

И тут поняла смысл Мишиной фразы. По первопутку – зимней дорогой, когда почти все баре на санях отправляются в Москву. По-своему разумно. Но не слишком ли долго ждать?

– Да, ближе к зиме, – ответил муж на незаданный вопрос. – Сейчас у всех осенние хлопоты, и у меня в том числе. Конфликт за конфликтом: барство на крестьянский урожай покушается, выдумывает долги за весну и лето, будто бы крестьяне зерно брали и теперь должны отдавать. Иногда так и есть, иногда – бумажку вчера написали. Надо разбираться, пока мужики сами не разобрались, не подняли на рога управителя с барином. Моя сегодняшняя экспедиция по соседству – как раз по такому поводу. Спасибо, Мушка, что от твоего поместья такой головной боли нет.

Я только вздохнула и улыбнулась грустно. Улыбнулась мужу, а грустно потому, что на самом деле очень мало кто из крестьян бунтовал. Это надо до откровенного скотства дойти, чтобы терпеливые мужики восстали. Увы, и такое бывало.

– Доносы, небось, пишут?

– А как же без этого? – Миша усмехнулся. – Что в девятнадцатом веке, что в двадцать первом, строчат, каналы, словно заведенные. Ну да ничего, на здешних я управу легко найду. Память меня хоть и подводила, а многое словно по наитию всплыло из оперативной-то работы и следственных мероприятий. Я в губернии на хорошем счету, посчастливилось самому генерал-губернатору в одном весьма неприятном дельце так помочь, что он по гроб жизни теперь мне благодарен. Так что начальство помельче где шипит, а где и в пример меня другим ставит, поскольку таких результатов никто дать не может. Здешние следаки тоже не дурни, но у них за плечами ни опыта моего, ни знаний двух веков. Вот и вундеркиндствую помаленьку. На зависть врагам.

Я подперла руку щекой и с тихим умилением слушала, как он рассказывает про некоторые свои дела. Как же хорошо... как же я по этому соскучилась.

А Миша глянул на меня внимательно, усмехнулся и резюмировал:

– Ты, Мушка, готовься. Сейчас поеду прошение подам на высочайшее имя с просьбой дать разрешение на брак с честной вдовой. В Москву уже замужней дамой поедешь, ибо нечего сплетни плодить. И мне спокойнее будет, а то прискачет какой бравый гусар да и уведет жену.

Мы дружно посмеялись. Шутка про гусара у нас была дежурная, еще с институтских времен. А потом муж снова стал серьезен:

– Ну и главная причина, по которой тебе уж совершенно точно одной ехать не следует, – шлейф происшествий, сопровождающий твои поездки.

Я кивнула с печальной усмешкой – мои мысли считал.

– Расскажи, кстати, что за странная компания тебя окружала в тот день? И что ты забыла на закрывшейся ярмарке?

Пришлось рассказать. И не пунктирно, как дворовым, а с подробностями. Тем более Миша хмурился, достал карандаш, записывал, постоянно переспрашивал: «А тот низкий вар-

нак был со сломанным носом? А тот, что к тебе явился, – со сведенным клеймом?» Даже быстро набросал его портрет, и я в очередной раз восхитилась супругом и его талантами – вполне узнаваемый портрет получился, тот самый варнак.

М-да. Приходится Мише тут и фотороботом подрабатывать. А карандашом пишет потому, что, видно, с чернильницей не в ладах.

– Да уж, история, – заявил наконец супруг. – Слыхал я про эту преступную группировку. Мне еще до начала ярмарки донесли, что Рябыка, каторжный беглец, в Макарьеве объявился с новособранной шайкой – прежняя от меня не ушла, кроме лидера. Но информатор как сообщил, так и пропал, и, боюсь, «как в воду канул» тут не метафора. Пришлось ждать, когда Рябыка проявится и созорничает, чтобы на горячем схватить. Удивлялся, чего же этого не происходит. А он, значит, большого куша ждал. Точно не хотел тебя шантажировать?

Я объяснила, что даже и говорить не давал.

– А в итоге продал тебя дважды? – сказал Миша, и я ощутила, как он чуть не дернулся от этих слов. – С персами все просто, ну, или не просто, но они-то сейчас должны быть ниже Царицына, если не в Астрахани. А вот первый заказчик, подозреваю, где-то в губернии. Кружит как падальщик, нутром чую: не все просто с твоими московскими делами.

Я согласно кивнула и мысленно в который раз выдохнула. Миша рядом, с ним ничего не страшно. Разберемся.

А он продолжал раскладывать по полочкам:

– Скорее всего, разыгрывался сюжет «дама в опасности». Тебя в избушке сторожит какая-то шестерка, прилетает Комарик с фонариком да саблей, шестерке кирдык, «я злодея зарубил, я тебя освободил, а теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться...». Тьфу! Верно мыслю, Мушка?

Я еле сдержала хохот. Да уж, точно Мушка, чуть не сыгравшая роль в спектакле неизвестного режиссера.

– Я бы этому Комарику его бы фонарем да его бы сабелькой, – сказал муж с таким ожесточением, что я поспешила заглянуть Мише в глаза, положить ладонь на руку.

– Все к этому шло, – успокоившись, сказал супруг, – но подлец не просчитал интуицию Рябыки. Тот все понял, деньги получил...

– Может, и не только деньги, – уточнила я, помнившая разговоры разбойников.

– Да. Может, и паспорта. И решил тебя перепохитить и перепродать. Кстати, если Комарик не только богатый, но и власть имущий, то Рябыка поспешил убраться из губернии подальше. Вот Комарик – остался.

И тут я вспомнила про дурной слухок.

– Да, Миша, – печально улыбнулась я, – с недавних пор я не только жертва похищения, но и преступница. По крайней мере, согласно молве. Знаешь ли, что меня обвиняют в организации убийства или в подстрекательстве к преступному деянию?

– А вот с этого места подробнее, – велел муж и аккуратно поправил у себя на плече голову крепко уснувшей Лизоньки. Ребенок так и почивал у него на руках все время разговора, так что Миша голоса не повышал. И держал малышку с такой уверенной нежностью, что у меня сердце заходило. – До меня пока такие слушки не докатывались. И доносов не поступало. Но лучше быть готовым ко всему.

Глава 12

– Ма-аменька, дядя Миша скоро вернется? – спросила Лизонька.

Она и Зефирка вышли со мной на крыльцо проводить гостя.

– Он же сказал «скоро», – ответила я, – а дядя Миша никогда не обманывает.

Насупленная мордашка разгладилась, ребенок улыбнулся. Я погладила Лизоньку, поглядела на дворовых, опасаясь найти у них на лицах еле скрытые усмешки и намеки: нам все понятно, барыня молода, наше дело холопское, ни к чему госпожу судить. Нет, не поняли или пока не поняли, а рады простой русской радостью, что полиция укатила. А может, как ворчливая Павловна, которая как раз чутьем уловила все правильно и мгновенно, ничего не имеют против.

Я взяла Лизоньку за ручку – дождик с ветром на дворе, и мы пошли в тепло.

Вот ведь парадокс: бывал у меня по делам капитан-исправник, оставался ночевать. А сегодня окончательно стал моим Мишей и не смог.

Дел и вправду много. Ночевать будет в усадьбе Олсуфьевых – барин тамошний боится, злится, но попробуй откажи в ночлеге главному полицейскому чину. Кучер и ординарец заранее шепнут дворне, что капитана бояться не след, всю ночь будут тянуться к нему добровольные информаторы с рассказами о том, как барин забрал хлеб за несуществующий долг. И когда утром состоится официальный разговор с барином, капитан-исправник будет знать такие подробности, что все хозяйские каверзы и посулы сразу полетят прахом. И придется с мужиками договориться подобиру, хлеб вернуть.

Если такое мелкое барское злодейство разрулить проще простого, то моя история стала для Миши неприятной загадкой.

– Нет, пока не слышал я таких сплетен, – сказал он, действительно крепко задумавшись, – не доходило. Значит, совсем-совсем свежий пердимонюкль. А уж что полиция показанья взяла... Нет, не мои люди. Такое мимо меня пройти не могло.

– Может, жандармы? – спросила я, зная, что эта силовая структура к уездной полиции не относится.

– Мушка, – сказал муж усталым тоном, как было всегда, когда объяснял мне очевидности. – Особый жандармский корпус будет создан через десять лет, хотя о том, что он нужен, я слышу постоянно. Если под слушком о взятых показаниях есть хоть какая-то правдивая подоплека, это может быть какой-то чиновник.

– Не особый корпус, так особый чиновник? – скаламбурила я.

И замолчала, пораженная догадкой. Неужели?

И поспешила сделать то, к чему привыкла за прошлую жизнь. Поделилась догадкой, рассчитывая на ясный мужнин разум.

– Твой полный тезка, – сказала я. – Лизонька называет его «дядя котик». Хочешь, так и буду называть, чтобы...

Не договорила, чуть не покраснев. Неужели я могла всерьез говорить о двух Михаиллах, да еще присваивать им порядковые номера? Когда настоящий из них – только один.

– Можно «котик», можно «соколик», – недобро усмехнулся Миша, – фамилия-то Соколов.

Мне вспомнился еще один недавний диминутив. Нет, не может быть! Это уже совсем злодейство!

– Намеренно справки я не навел, – продолжил муж, – но все, с кем общался, называют его выскочкой. Появился в прошлом году, обаял губернатора. Умный, языкастый, этого не отнимешь.

А я все держала в голове ряд: котик, соколик... комарик. Который так и не смог прилететь вовремя с фонариком и саблей.

– А что, если... А что, если, – тихо сказала я, – этот котик-соколик планировал сыграть роль рыцаря на белом коне? Спасти меня от похитителей, которых сам же и нанял? И с Лизой тогда, вспомни... он нашел избушку и точно рассчитывал спасти там детей. И разозлился на тебя, когда ты его опередил.

Миша ответил не сразу.

– Тут вот в чем дело – слишком плохо я к нему отношусь, пожалуй, даже ревниво. Значит, субъективен. И все же отмечу: юноша он сам по себе небедный. Мог кого угодно нанять. Впрочем, разбойников можно соблазнить не только деньгами. Губернская канцелярия легко изготовила бы паспорта – ценность, которую на ярмарке не купишь. А для него канцелярия – соседний офис. Так что...

Муж резко покачал головой, была бы кепка – свалилась бы.

– Нет, огульно обвинять человека не станем, Мушка! Буду выяснять, собирать информацию. Вот тогда и посмотрим. А пока, как говорил Дамлет, принц Гадский...

– Дальнейшее – молчание, – улыбнулась я, вспомнив наш старый семейный мем.

– Вот. Пока не нарою инфу – молчим, чтобы не зайти далеко потенциально ложным путем.

Если Миша говорит «дальше молчим», а я не возразила, то молчу. Хотя... Хотя кольнула меня одна мысль. Но пусть и правда накопает информацию.

На этом и расстались – Миша взглянул на часы и заспешил. Я печально улыбнулась: большинство гостей, даже не милых, увозят от меня съедобные и полезные гостинцы. Тут же лишь немножко пастилы успела дать. Даже от бутылок настойки в лукошке отказался.

– Мушка, – заметил с легкой укоризной, – меня угостят по прибытии. И вообще, с каких пор ты стала меня алкоголизировать в таких объемах?

– Прошлой осенью взял, кстати, – улыбнулась я.

– Так мне надлежало соответствовать имиджу: чтобы полиция – да отказалась от ерофеича, да еще качественного... Теперь же, Мушка... ну, сама понимаешь. Печень – одна, сама же говорила в свое время.

– В наше время, – серьезно ответила я, – теперь опять наше время настало. Береги себя, Миша.

– И ты себя, Мушка. Ни ногой из усадьбы... ладно, из владений. Если что – ко мне посылай, только пусть будет конь выносливый, может, долго искать придется.

Тут-то, кстати, я и рассказала, как решила не отвозить накопленные спиртовые запасы сама, а послала менеджера несколько дней назад. Супруг одобрил, только спросил: точно ли Алексей Иванович должен отвезти спирт именно на казенный завод? Обрадовался, что так.

Миша уехал, а я осталась считать дни и заниматься делом, чтобы уж совсем не заикнуться на одном. Увлелась, надо сказать. К тому же доверие мое к мужу настолько велико, что даже волнение – как бы в опасности не оказался по своей работе – не могло это доверие перевесить.

Миша взрослый, опытный, умный. У него профессиональная чуйка. Справится со всеми своими делами, подаст прошение о браке и вернется в Голубки. Мы тихо обвенчаемся, никого не ставя в известность, и в Москву поедem уже семейно.

Да, так и будет.

И наговоримся в дороге! Обо всем. О том, как мы оказались в своих новых телах, о том, как привыкали и к ним, и к новой жизни. Мише, между прочим, предстоит рассказать больше: о том, как я входила в роль барыни, он имеет некоторые представления, а о том, как он стал полицейским офицером начала XIX века, я ничего не знаю.

И, конечно, что будет дальше. Уж не знаю, что обретем в Москве, да хоть пустую шка-
тулку с запиской-пожеланием внутри. Что я могу обрести ценнее, чем то, что уже обрела?
Все, Эмка-Мушка, хватит! Надо заняться делами и отвлечься!

Глава 13

Обычные осенние хлопоты мелкопоместной дворянки удачно наложились на деятельность среднестатистической прогрессорки. У меня хватило ума не тянуть все в одну каску. Я еще с прошлой осени начала примечать среди своих людей тех, кто проявлял интерес к разного рода «штучкам». И по механике, и в химическом направлении. Тут ведь дело какое: человеческому разуму надо просто показать путь и дать толчок – он сам такого напридумает, что воплощать замучаешься.

Вот что удивительно, вовсе не обязательно это была молодежь. Например, лучшим специалистом по совершенствованию «пральной машинки» оказалась тетка Агафья, веселая разбитная солдатка, прижившая от мимохожих странников еще троих сыновей после того, как ее Ванюше забили лоб. Женщина была бойкая, разумная и скорая что на язык, что на руку, поэтому остальные деревенские и дворовые кумушки шипели исключительно по углам, а в глаза Агафье про нагулянных сыновей ни одна пикнуть не смела. Тем паче самих пареньков дурным словом задеть.

Агафья у прежней барыни была в портомойках, подрабатывая этим на скудное пропитание своим старшим трем девчонкам от мужа и мальчишкам, пока дочери-сыночки не вошли в рабочий возраст. А как наладили мы во дворе пральную машину, она не приуныла, подобно другим бабам, мол, работы не станет. Проявила живейший интерес к «механизму», своих пацанов твердо наладила посменно крутить барабан, а сама не только загружала и полоскала, но и присматривалась. И прикидывала всяко.

Все это Агафья обстоятельно изложила мне, явившись пред барские очи ровно через полчаса после того, как уехал Миша. Явилась она не просто так, а с целой пачкой рационализаторских предложений.

– Здравствовать вам, барыня, – степенно начала она разговор, как только уяснила, что я готова ей внимать. – Не побрезгуйте рабу свою выслушать, авось чего умного скажу. С Пасхи все присматривалась к механизму да думку думала. Можно это дело не только для стирки приспособить!

Я с большим интересом посмотрела на Агафью. До нее ко мне если кто и обращался с рационализаторскими предложениями, то только мужики, причем сами по себе кой-чего кумекавшие в делах кузни или там в каретных приспособах. А тут женщина!

– Говори, Агафья Севастьяновна, внимательно тебя слушаю.

Агафья аж крикнула и зарделась от удовольствия и легкого смущения. За прошедший год мои люди привыкли помаленьку, что я ко всем обращаюсь уважительно, не тыкаю и не «Агашкаю». А что при этом спуску не даю – только добавило мне очков в их глазах.

Что удивительно, эта неграмотная сельская баба оказалась сообразительнее многих мужиков. В частности, присмотревшись к шестерням и ременной передаче, самостоятельно додумалась до переключения скоростей. Даже нарисовала свою задумку на листе дешевой оберточной бумаги карандашом и подробно, по пунктам, смогла объяснить, как из обычной пральной машинки на ручном ходу сделать чуть ли не машинку-автомат. Во всяком случае, насос для подачи чистой воды, желоб для слива грязной и переключение скорости в режим центрифуги она зарисовала весьма подробно. И рассчитала большой объем барабана – без знания фундаментальной математики, на одной житейской сметке и собственной несомненной гениальности.

А затем прямо высказалась: коли такую машинку не в барской усадьбе поставить, а в большом трактире или, например, в лазарете при полковом хозяйстве, большая польза может выйти. И большие деньги, коли подряд заполучить для казны. Это, она слыхала от знающих людей, очень трудно. Но ежели выгорит...

– Ежели выгорит, Агафья Севастьяновна, – предвосхитила я ее запрос, – быть и тебе, и детям твоим свободными. Это я тебе обещаю твердо.

Агафья улетела от меня в кузню со своим чертежом и барским одобрением словно на крыльях.

Приходила ко мне с разным новаторством не только она. Тот же кузнец Федор, брат Алексея, по своей инициативе разработал новые насадки для механической овощерезки. И доску с лезвием – капусту шинковать для квашения. Баба, как обвыкнется управляться с такой доской, сразу обгонит трех или четырех товарок. А еще пресс с заточкой – вырезать серединки из яблок. Как-то я ему сказала, что такая простенькая, но эффективная приспособа существует. Даже рисовать не стала, он и со слов запомнил и воспроизвел.

Все эти новации были актуальны для сезона, сезон назывался «осень-припасиха». Начался он в августе и, кроме главного события – жатвы, – заключался во множестве прочих трудов по наполнению амбаров, сараев, подполов. Не пройдет и двух месяцев, как огороды, поля, леса покроет снежок, а единственным доступным съестным ресурсом станут зайцы и птицы, ищущие забытые колоски.

Так что крестьяне – и в первую очередь крестьянки – запасались как обычно. Но я и тут постаралась внести организацию в эти труды. Когда я вернулась, ягодную пору сменила грибная, впрочем, своей очереди еще ждали две красные красавицы: брусника и клюква. Грибов уродилось знатно, а так как заморозки припозднились, сентябрьский сбор не уступал августовскому.

Я, как и в случае с ягодами, ввела щадящую дань за посещение леса и оплату за отборные, чистые грибы. Кроме обычной сушки на спицах, велела изготовить несколько многоярусных дырчатых сушилен. Вот для них-то применялись сосновые полешки, а не навозные брикеты.

Идею оптовой торговли грибами я оставила, выяснив, что этот дар леса по нынешним временам дешев. Может, есть смысл переправлять большие партии сушеных боровиков в Москву и Питер, ну а в Нижнем они точно не очень дороги.

В день, когда не поступали грибы, в печах сушились яблочные дольки. И как основа для компотов-киселей сгодятся, и сами по себе хорошая, полезная заедка для грустных зимних вечеров. Главное только сохранить, без плесени и тем более гнили.

Этот принцип применялся ко всем заготовкам в имении – значительная часть продукции из барских угодий Егорово доставлялась в Голубки. Хранилища были заранее подготовлены, побелены, окурены. Для корзин с овощами и яблоками, а также для мешков с сушеной поставлены стеллажи, чтобы к каждому лукошку, каждому мешку или коробу был доступ – увидеть и попытаться спасти. Я еще с прошлой зимы говорила дворовым: если кто-то увидит порчу и незамедлительно о ней доложит – поблагодарю, даже если сам и виноват. Взыщу только за утаивание проблемы.

Готовились и погреба. Квашение капусты – самая поздняя стадия «припасихи», капуста подождет. А вот огурцы уже были в бочонках. В этом сезоне точно не пропадут, соли насыпано без глупой экономии, превращающей процесс квашения в бродительный процесс.

Так что дел, чтобы отвлечься от ожидания, хватало. И я как-то внезапно сообразила, что настала важная годовщина – день моего второго рождения, самая середина сентября. Тут еще церковный праздник – Воздвижение креста Господня. Отмечу-ка его как следует. Да еще жатва окончена, так что настоящий Праздник урожая.

В детстве посмеивалась над такими официальными торжествами: «Праздник урожая во Дворце труда». А между прочим, чего плохого? Особенно для людей, не избалованных праздниками. Да и за этот год я поняла, что «битва за урожай» – совсем не метафора. В этом году битва была особо непростой. Так что надо отметить победу.

Что и сделали. С молебном, с накрытыми столами, с импровизированным ансамблем из дудок и балалаек – музыкантов заранее остограммили.

Веселились на славу. Мужички поняли смысл праздника – год назад барыня вернулась, и с тех пор не горевал никто, кроме, разве что, старосты Селифана, но его не пригласили.

Настало время раздать подарки, привезенные с ярмарки. Я постаралась и людей не обидеть, и не впасть в разорение. Давно знала, что, если начальнику премировать трудовой коллектив поровну, все равно зависти не избежать – вклад-то разный. Долго обсуждала с Павловной, что кому подарить: рубаху, сапоги – подарки высшей категории – и попроще: онучи, ножи, кисеты, если курят. Для баб все же однообразие – платки.

Жалела я, что Алексейка остался вне праздника – не вернется он к четырнадцатому сентября. Ладно, одарю позже.

С погодой на праздник повезло – солнышко пробилось из-за туч к полудню. А в разгар веселья пожаловал нежданный гость.

Глава 14

– Эмма Марковна, из полиции к вам приехали, – крикнул дворовый мальчишка.

Я автоматически отметила – как налажена охрана! Пусть Лизонька рядом, ворота все равно под присмотром, а Ванька не стал бросать пост и послал гонца.

Еще подумала: надо бы его сменить, пусть полакомится, хлебнет наливки – в его возрасте водку рановато.

...И тут осознала услышанное. «Из полиции» – значит, это не Миша. Не смог приехать сам? Новость от него? О нем? Какая?!

Ноги сами понесли к воротам. Что бы ни случилось, скорее, скорее! Ничто не может быть хуже страшных мыслей, наполнивших голову!

Навстречу шел урядник. Тут ошибки быть не могло, я видела его на ярмарке рядом с начальником.

– Здравствуйте, Эмма Марковна. Письмо вам от Михаила Федоровича.

Я разорвала ненадписанный конверт, вытащила лист. Принялась читать, удивляясь с каждой минутой.

«Эмма Марковна, очень грустно вышло. Опечалил меня ваш человек, тот, что таким хорошим артистом оказался в "Бристоле". Мне за державу обидно, и что перед этим... А вот самому давать пришлось, да и не только давать, лишь бы выручить. Говорит, что сам до такого додумался, удавиться хотел, да я не позволил. А я же говорил – осторожней надо с этим! Твое счастье, что я заглянул в Нижний про Комарика узнать. Петр все расскажет, ему верить можно».

Уж не помнила, какими словами взмолилась-поблагодарила, что не сбылось самое страшное предположение. А потом сосредоточилась на проблеме.

Петру верить можно, как и письму. Благодаря не почерку, а цитатам-намекам, которые ни один злыдень прошлого века знать не мог.

– Отойдемте, сударыня, от лишних ушей, – сказал Петр. – По правде говоря, Михаилу Федоровичу очень постараться пришлось, чтобы вашему человеку помочь в такой оказии...

И мы пошли искать тихий угол среди общего веселья. А я без особых трудов расшифровала намеки письма. С Комариком – понятно. «Хороший артист» – конечно же, Алексейка. «Я мзду не беру, мне за державу обидно» – так Миша говорил не раз. Это что же, ему самому мзду давать пришлось?

Да, пришлось. «Оказия» оказалась следующей: Алексей Иванович привез спирт, или вино по тогдашней коммерческой терминологии, в Нижний Новгород. По пути выяснил в трактирах, что розничные цены повысились, ведь они в прямой зависимости от стоимости зерна. А на казенном заводе скупали по прежней цене. Вот мой управляющий и проявил творческий подход: стал обходить питейные заведения, предлагать продегустировать мою продукцию и продавать, да так, что каждая четверть приносила ему почти половину дохода от заводской цены.

Вот только много таких умников, и знал об этом в первую очередь откупщик. Все закончилось предсказуемо: в очередной раз Алексейка был взят с поличным, когда продавал очередную бочонок.

– Да еще и бумагу сразу отобрали с вашей подписью: продаю по воле и приказу барыни, а что барыня приказала на завод везти – в бумаге не сказано. Повезло вашему человеку, что Михаил Федорович в Нижний заглянул, а ваш возчик его на улице увидел. Тамошний-то винный жук – откупщик всю полицию в кулаке держит. Изничтожает тех, кто ему монополию портит. Так-то, конечно, Михаил Федорович с губернской полицией договорился, чтобы ваш

управитель поскорей вино сдал на завод. Вот договорился – недешево. Чтобы протоколы изъять, будто и не приезжал в Нижний ваш человек...

...Есть такое понятие «испанский стыд», когда стыдно за другого. Наверное, есть такая же боль – горят щеки, дрожат пальцы, стучит сердце. Когда понимаешь, как больно было любимому человеку. Как пришлось Мише делать то, что ему противнее всего, – договариваться. Смотреть в масляные хитрые глазки, слушать намеки, обещать, платить.

– Недешевым вышло винцо, – вздохнул гонец. – По правде говоря, Эмма Марковна, так может статься, что пришлось Михаилу Федоровичу в долги влезать. Вы же знать должны, он много денег с собой никогда не возит.

Не просто вздохнул – взглянул на меня с укоризной. Такими начальниками, как Миша, дорожат. Спрашивает строго, но уважает, никогда злость не сорвет и не подставит. Это в любую эпоху дорогого стоит, а уж в эту, полную самодурства, тем паче.

– Плохо вышло, Петр, – искренне сказала я. – Не дала своему человеку наказа – ни капли не продать мимо казны. Что же он?

– Возвращается, – сказал полицейский. – Михаил Федорович вас просил известить заранее, вдруг слух раньше дойдет. И чтобы вам известно стало все как было. А то мало ли...

Еще вчера я ответила бы взглядом драконьего гнева: что «мало ли»?! Мой человек мне солжет? Мои люди мне не лгут!

А теперь просто опустила взгляд. Могла ли сама ожидать такую каверзу от самого надежного сотрудника? Который в первый день нашего знакомства проявил маленькую, но такую приятную инициативу, а потом оказался едва ли не лучшим помощником. За год вырос из мальчика на побегушках в управляющего.

И вот... Обменял доверие на махинацию, пусть даже и не мелкую. Бес попутал? Раньше я считала это шуткой или эвфемизмом. Сейчас стоит отнестись как к одной из гипотез, другой под рукой нет.

Ладно. Вернется – разберемся. А пока я пригласила гонца угоститься и переночевать перед дальней дорогой. Теперь спешить ему не надо.

Сама же вернулась к веселой толпе. Выпила рюмку легкой наливки, потом еще... успела остановиться, понять, что принялась утешать тревогу и обиду самым опасным способом. Мужики и бабы радовались от души, плясали, почти не ссорились. Я на них поглядывала и гадала: кто же еще способен отколоть такую недобрую шутку?

Если не Алексею, то кому верить?

* * *

Алексей Иванович вернулся через три дня. Я применила жесткий педагогический прием. Встретила у ворот, оглядела материальную часть, мгновенно сосчитала повозки и лошадей, отметила, что все вернулось, но промолчала. Только сухо кивнула в ответ на приветствие и коротко велела:

– Ступай в контору.

Заранее убедилась, что лишних ушей не будет. Не знаю, что скажу, да и не знаю, что услышу.

Алексей Иваныч выглядел исхудавшим – не ел, что ли, на обратном пути? Сюртук и жилет висели на нем как на неправильно выбранном пугале.

Вошел, вывернул карманы. Вынул несколько мятых ассигнаций, кучку металлических монет.

– На завод бесплатно отдать пришлось, – сказал он с непривычной хрипотцой.

– А что продал в кабаки? – бесцветно спросила я.

Алексей молча указал на стол. Тихо произнес:

– Взятки давать пришлось. Мне и Михаилу Федоровичу. Я – совсем мелким крючкам, он ходил куда-то. Сколько сам отдал – не сказал.

Вдохнул воздух, добавил:

– Все, что в бутылках было, настойки духмяные, все раздарить пришлось. Откупщик оценил. Сказал, что мягко и вкус во рту. Если бы, говорит, не качество такое, не стал бы миловать.

– Казнил бы, – так же сухо заметила я.

А потом взглянула ему в глаза и сказала:

– Алексей, вот зачем это? Мой доход приумножить хотел? Но я же тебе сказала – только на завод. Так ты не о моих доходах думал?

Алексейка кивнул.

– Зачем тебе это, Алеша? – устало спросила я. – Хотел накопить и сбежать, в купцы податься? Девушка тебе на ярмарке приглянулась, на приданое собирал? Что ты такое задумал, что у меня не попросить?

Глава 15

А ведь и вправду. Я вспомнила, как Алексейка изображал непутевого сынка купца первой гильдии. Как гулял по ярмарке и его принимали за дворянчика. Тогда-то, небось, и встретил свою любовь, скорее всего первую. Дочку какого-нибудь купца или мещанина. А то и из дворян...

Понятно, не признался, что хоть в фаворе у барыни, но все же подневольный он человек. Пообещал, наверное, вернуться и решил получить волю любой ценой... ценой обмана. Уж что бы дальше делал – сбежал, купил поддельные документы, – не знаю, но это возможно.

М-да. Прочла бы такой сюжет в старом романе, увидела бы в сериале – однозначно оказалась бы на стороне юноши. Ведь если задуматься, жертва крепостного права – не только какой-нибудь Антон-горемыка, в голоде, в лохмотьях, но и такой счастливчик, что вырядится барчуком, и любая девица его таким признает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.